

Рылеев Кондратий Федорович

Войнаровский: Поэма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
К64

К64 **Кондратий Федорович Р.**
Войнаровский: Поэма / Рылеев Кондратий Федорович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 40 с.

ISBN 978-5-519-84168-9

ISBN 978-5-519-84168-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ раннею порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинной за спиной,
Въ полукафтани, въ шапкѣ черной
И перетянуть кушакомъ,
Какъ странъ Днѣпра казакъ проворный
Въ своемъ нарядѣ боевомъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
Вотъ къ западу простеръ онъ руки,
Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
И съ видомъ нестерпимой муки,
Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

„О, край родной! Поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святыя,
Изгнаннику не обнимать!

„Горитъ напрасно пламень пылкій...
Я не могу полезнымъ быть:
Средь дальней и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть.

„О, край родной! Поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святыя,
Изгнаннику не обнимать!“

Сказалъ—пошелъ по косогору;
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,

И вотъ исчезъ въ глуши лѣсной.
Кто ссыльный сей, никто не знаетъ;
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезенъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда,
И поѣдѣли ужъ примѣтно
Его и усъ и борода.
Онъ не варнакъ; смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для челоуѣчества постыдной,
Рукою дерзкой и безстыдной
Въ чело вклеименной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ предъ бурей мрачнымъ днемъ...
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ —
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ...

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славный;
Въ укрономѣ домикѣ, въ тиши,
Работалъ для вѣковъ въ глуши,
Съ судьбой боролся своенравной
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынный завлеченъ
Къ познаньямъ страстию высокой,

Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды
Любилъ рассказы стариковъ
Про Ермака и казаковъ,
Про ихъ отважные походы
По царству хлада и снѣговъ.
Какъ часто, вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому
Или по дебрямъ и горамъ.
Слѣдилъ, какъ солнце, яркій пламенемъ
Разливъ по тверди голубой,
На мигъ за Кангалацкій камень
Уходитъ лѣтнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климатъ жестокий и суровый,
И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій...
И мракъ, и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...
Черезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ на спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ... Вдругъ выстрѣлъ!... Быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался--и на снѣгъ
Окровавленный упадаетъ.

Смушенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
Сквозь чашу, вѣтви, дичь и боръ
И зрить: къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный дахою черной
И въ длинношерстномъ чебакѣ
Охотникъ ловкій и проворный...
То ссыльный былъ. Угрюмый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,
И незнакомца видъ унылый—
Все душу странника страшило.
Но трепеща, въ глуши лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,
Преодолѣлъ онъ ужасъ свой
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
„Кто бъ ни былъ ты“, онъ такъ сказалъ,
„Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога!
Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ
И въ глушь нечаянно попалъ.
Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?“
— „Она осталась за тобой,
За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ;
Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врядъ ли до ночи глухой
Успѣешь выбраться ты въ поле;
Уже вечерняя пора...
Но мы вблизи заимки скудной;
Пойдемъ: тамъ въ юртѣ до утра
Ты отдохнешь съ охоты трудной“.
Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже виденъ сводъ небесъ...
Погасло дневное свѣтило;
Настала ночь... Вотъ мѣсяцъ всплылъ,
И одинокій и унылый,

Дремучій лѣсъ осеребрилъ
И юрту путникамъ открылъ.
Пришли: и ссыльный, торопливо
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
И искры сыпались на трутъ,
Мракъ освящая молчаливый
И каждый въ сталь ударъ кремня
Въ углу обители пустынной
То дуло озарялъ ружья,
То ратовище пальмы длинной,
То саблю, то конецъ копья.
Глазъ съ незнакомца не спуская,
Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ...

Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ засвѣтилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатертью накрылъ
И съ лаской гостя посадилъ.
И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперяя взоръ,
Заводитъ странникъ любопытный
Съ нимъ о Сибири разговоръ...
Съ отвѣтомъ каждымъ становилась
Ихъ рѣчь живѣе и живѣй
И вдругъ нечаянно склонилась
Къ судьбѣ народовъ и царей...
Въ какое-жъ Миллеръ удивленье
Былъ незнакомцемъ приведенъ;
И кто бы не былъ пораженъ:
Странъ европейскихъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
Покинувъ родину, съ ~~тоскою~~ ~~тоскою~~...

Два года Миллеръ, какъ чужой
Бродилъ бездомнымъ сиротою
Въ странѣ забытой и глухой,
Но тутъ, въ пустынь отдаленной,
Онъ неожиданно въ глуши,
Впервые могъ тоску души
Отвести бесѣдой просвѣщенной.
При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдого пришлеца,
Въ избыткѣ чувствъ, текли какъ волны.
Въ бесѣдѣ долгой и живой
Глаза обоихъ засверкали;
Они другъ друга понимали—
И, какъ друзья въ глуши лѣсной
Взаимно души открывали.
Усталый странникъ позабылъ
И поздній часъ и сонъ отрадный,
И слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье былъ.

„Ты знать желаешь, добрый странникъ,
Кто я, и какъ сюда попалъ?“
Такъ незнакомецъ продолжалъ:
„Того до сей поры изгнанникъ
Здѣсь никому не повѣрялъ.
Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
Они не поняли бъ меня,
И повѣсть мрачная моя
Не взволновала бы ихъ груди.
Тебѣ же тайну ввѣрю я
И чувства сердца обнаружу;
Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
Наукой просвѣтилъ себя:
Ты все поймешь, ты все оцѣнишь
И несчастливцу не измѣнишь.“

„Дивись же странникъ молодой,
Какъ гонить смертныхъ рокъ свирѣпый:
Въ одеждѣ дикой и простой---
Узнай—сидить передъ тобой
И другъ, и родственникъ Мазепы!
Я Войнаровскій. Обо мнѣ
И о судьбѣ моей жестокой
Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
Слыхалъ не разъ съ тоской грубокой...
Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,
Брожу какъ остовъ, очи впали
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ
И, какъ климатъ сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ
Ничто меня не веселить,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу какъ недругъ отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей —
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальніе снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснае укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага...

„Къ чему напрасное моленье!
И ты печально не гляди,
Не изъясляй мнѣ сожалѣнье,
И такъ жестоко не буди

Въ моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.
Признаться-ль, странникъ: я бѣ желалъ
Чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня средь этихъ скалъ,
Какъ привидѣнія пугались.
Ахъ, можетъ быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей душой...
Но зналъ и я когда-то радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье
И пылкой юности мечты...

„Врагъ хищныхъ крымцевъ, врагъ поляковъ,
Я часто за Палѣемъ вслѣдъ,
Съ ватагой храбрыхъ гайдамаковъ,
Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.
Бывало, кони быстроноги
Въ степяхъ и дикихъ, и глухихъ,
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги,
Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
Дыша любовью къ дикой волѣ,
Бодры и веселы безъ сна,
Мы воздухомъ питались въ полѣ
И малой горстью толокна.
Въ неотразимые наѣзды

Намъ путь указывали звѣзды,
Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;
И мы, какъ туча громовая,
Внезапно и отъ разныхъ странъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій наѣзжали станъ.
Дружины грозныя громили
Селенія и грады — въ прахъ,
И въ земли чуждыя вносили
Опустошеніе и страхъ.
Враги вездѣ отъ насъ бѣжали
И, трепеща постыдныхъ узъ,
Постыдной данью покупали
У насъ сомнительный союзъ.

„Однажды, увлеченъ отвагой,
Я, съ малочисленной ватагой
Неустрасимыхъ удалцовъ,
Ударилъ на толпы враговъ.
Бой длился до ночи. Поляки
Уже смѣшались въ рядахъ,
И строясь далѣ, на холмахъ,
Намъ уступили поле драки.
Вдругъ слышимъ крымцевъ дикій гласъ...
Поля и стонуть, и трясутся...
Глядимъ—со всѣхъ сторонъ на насъ
Толпы враждебныя несутся...
Въ одно мгновенье тучи стрѣлъ
Въ дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотѣлъ;
Враги все болѣ насъ стѣсняли,
И, наконецъ, покинувъ бой,
Мы степью дикой и пустой
Разсыпались и побѣжали...
Погоню слыша за собой,
И раненый, и изнуренный,

Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
Страшася въ плѣнъ попасть презрѣный.

„Ужъ Кыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежомъ родной страны
Ужъ хутора вдали мелькали.
Ужъ въ куреняхъ я зрѣлъ огонь,
Уже я думалъ—вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался
И, близъ границъ страны родной,
На землю грянулся со мной...

„Одинъ, вблизи степной могилы,
Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ
Лежалъ я, мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела.
Изъ раны кровь ручьемъ текла...
Напрасно помощь призывая,
Я слабый голосъ подавалъ:
Въ степи пустынной исчезая,
Едва родясь, онъ умиралъ.

„Все было тихо... Лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила.
И одинока, и блѣдна,
Плыла двурога луна
И озаряла сумракъ ночи.
Я безъ движенія лежалъ;
Ужъ я, казалось, замиралъ;
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною хищный вранъ леталъ...
Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ
И зрю: покрытая серпаномъ,